

Власть и институт «продажной любви» Бурятии в первой трети XX в.

Н.Е. Жукова^{1а}, А.А. Красовская^{1б}, Д.Б. Фартусов^{1с}, Р.А. Евтехов^{2д}

¹ Бурятский государственный университет им. Д.Банзарова, Улан-Удэ, Россия.

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Моховая, 9, стр. 1, Москва, Россия

^аnataliiiuk@mail.ru, ^бalina.spiridonova.94@mail.ru, ^сd.fartusov@mail.ru, ^дlib-lab-scan@mail.ru

Статья поступила 16.02.2021, принята 9.03.2021

Гуманизация современного общества, обращение к человеку, как главному предмету изучения, стали факторами, обусловившими возросший интерес к исследованию девиаций социального поведения, что нашло отражение, в том числе, и в современной исторической науке. Безусловно, одной из таких девиаций является проституция. В представленной читательскому вниманию статье рассматривается вопрос функционирования региональной сферы оказания сексуальных услуг в Бурятии первой трети XX века. Актуальность исследования обоснована необходимостью изучения данного специфического вида женского заработка, как некоего способа достижения женщиной социальной самостоятельности. По мнению авторов, анализ сферы предоставления подобного рода сервисных услуг будет способствовать глубокому пониманию современных процессов социального раскрепощения женщины. Новизна исследования видится в том, что впервые прослеживается государственная политика в начале по регулированию, а впоследствии и борьбе с проституцией в Бурятии на протяжении первой трети XX века. Авторы отмечают изменение статуса проституции от легального дореволюционного положения к постреволюционному запрету, а позднее и полному отрицанию советской властью такого явления по идеологическим причинам. В заключении исследователи делают вывод о том, что на протяжении первой трети XX в. на территории Бурятии произошла значительная трансформация сферы интимных услуг.

Ключевые слова: проституция, сексуальные услуги, государственное регулирование, интимная жизнь общества в XX в., Бурятия.

Power and the institution of «love for sale» in Buryatia in the first third of the XX century

N.E. Zhukova^{1а}, A.A. Krasovskaya^{1б}, D.B. Fartusov^{1с}, R.A. Evtekhov^{2д}

¹ Banzarov Buryat State University; 24a, Smolin St., Ulan-Ude, Russia

² Lomonosov Moscow State University; 9, Mokhovaya St., Building #1, Moscow, Russia

^аnataliiiuk@mail.ru, ^бalina.spiridonova.94@mail.ru, ^сd.fartusov@mail.ru, ^дlib-lab-scan@mail.ru

Received 16.02.2021, accepted 09.03.2021

The humanization of modern society and the reference to the human being as the main subject of study have become factors that have led to an increased interest in the study of deviations in social behavior, which is reflected, inter alia, in contemporary historical science. Certainly, prostitution is one of those defects. The article examines the functioning of the regional sex industry in Buryatia in the first third of the XX century. The relevance of the study is justified by the need to examine this particular type of female earnings as a way of achieving women's social autonomy. According to the authors, the analysis of the scope of such services would contribute to a thorough understanding of the contemporary processes of women's social emancipation. The novelty of the study is seen in the fact that, for the first time, state policy can be seen in the beginning to regulate and subsequently to combat prostitution in Buryatia during the first third of the XX century. The change is noted in the status of prostitution from a legal pre-revolutionary situation to a post-revolutionary prohibition and, later, a complete rejection of the phenomenon by the Soviet authorities for ideological reasons. The conclusion is made that during the first third of XX century a significant transformation of the sphere of intimate services took place in the territory of Buryatia.

Keywords: prostitution, sexual services, state regulation, intimate life of society in XX century, Buryatia.

Введение. Современная историческая наука, развивая методологию и методику истории повседневности, расширяет спектр и тематику исторических исследований, углубляя наше представление о функционировании различных институтов государства и общества. Методологически история повседневности не является собранием разнородных сюжетов о бытовой культуре, а служит инструментом определения влияния масштабных политико-экономических и социокультурных процессов на жизнь и деятельность каждого человека.

Внедрение методологии истории повседневности в исследования позволяет приблизить фокус научного изучения к жизни простого человека, изменяя устоявшиеся представления о целом ряде социальных явлений. Применение нового исследовательского инструментария даст возможность точнее описать и проанализировать, в том числе и разнообразные социальные девиации, к которым относится проституция, имевшая место, как в центре, так и на окраинах страны в разное время.

Представленное читательскому вниманию исследование посвящено анализу государственной региональной политики в сфере оказания сексуальных услуг в первой трети XX в. Территориальные рамки данного исследования охватывают исторические территории современной Республики Бурятия.

Процессы женской эмансипации XX – XXI вв., формирование представления о женщине как о самостоятельной и независимой единице, изменение ее социального положения, расширение набора политических и гражданских прав повлекли за собой необходимость переосмысления места женщины в историко-социальном, политико-экономическом и культурном контекстах. В этой связи изучение проституции как вида специфического женского заработка, зародившегося в эпоху традиционных социальных отношений, будет способствовать глубокому пониманию современных процессов социального раскрепощения женщины.

Рассматривая проституцию, как пренебрежение набором социальных и морально-этических норм, исследователи редко обращают внимание на психофизиологические потребности человека, которые являются основой её существования. Другое дело, что осознание этих потребностей проходит под воздействием ряда катализаторов, к числу которых относится и урбанизация, изменения окружения, повышения качества жизни и соответствующие им ментальные изменения. Перечисленные факторы в большей степени «запустили» рынок удовольствий, начавший активное развитие во второй половине XIX в.

Методология и литературный обзор

Методологической основой исследования являются принципы диалектического познания общества, базирующиеся на рассмотрении явления в их развитии и в неразрывной связи с общим историческим контекстом. Государственная региональная политика по регулированию сферы предоставления сексуальных услуг проанализирована в связи с изменением конкретных исторических условий в первой трети XX в. Изучение института «продажной» любви требует от исследователя непредвзятого, объективного исследования без морализаторства, в связи с этим за научно-этический ориентир взяты такие принципы, как историзм и объективность. Среди общенаучных методов предпочтение отдается анализу, синтезу и аналогии. Кроме этого используются сравнительно-исторический и сравнительно-хронологический методы, которые позволили выделить общие и специфические черты развития сферы предоставления платных сексуальных услуг, как в дореволюционную эпоху, так и на начальном этапе существования Советской России. Использован также *микро-исторический метод*, с помощью которого осуществлялось многостороннее рассмотрение объекта изучения, выявление процессов внутреннего функционирования сферы сексуальных услуг национальной окраины и условий её деятельности в конкретных исторических реалиях. Это дореволюционное легальное положение, переходный период во время НЭПа, нарастание нетерпимости к проституции со стороны власти к концу 1920-х и, наконец, полное отрицание существования проституции в советском обществе.

Дореволюционная историография проблему проституции рассматривала в двух плоскостях: медико-санитарной и морально-этической. Сторонники медико-санитарного подхода С.С. Шашков [1] и М.Г. Кузнецов [2] считали проституцию потенциально опасной именно в том виде, в котором она существовала. Апологетом морально-этического подхода был И.И. Приклонский [3], в трудах которого проституция выступала, как занятие безнравственное, и явилось следствием развращения человеческой природы (как мужчины, так и женщины). Поддерживал взгляды И.И. Приклонского и И.И. Канкарович [4]. Его труд содержит весьма жесткое описание реальных сексуальных нравов дореволюционной России всех сословий.

Советская историография проблемы проституции основала на положении о нелегальном и противоправном характере данного занятия. На смену научным работам дореволюционного периода пришли агитационные материалы просветительского характера [5]. В самом начале 1930-х г., в связи с ликвидацией безработицы, официально было заявлено об уничтожении этого соци-

ального явления, и вплоть до 1970-х гг. в исследованиях данная проблематика не прослеживается. В период «застоя» появляются работы нравственно-этического и медицинского характера, пропагандирующие семейные ценности и гигиену, но исторические же исследования так и не увидели свет. основополагающей мыслью историографии советского периода является идея о невозможности существования продажной любви в советском обществе. При этом в связи с идеологической обстановкой абсолютно не рассматривались причины существования секс-индустрии: бедность, отсутствие полового воспитания, физиологические потребности, одиночество.

В постсоветский период, вследствие упразднения идеологических оков, интерес к теме заметно активизировался. Из массива тематических работ следует выделить фундаментальный труд Н.Б. Лебиной и М.В. Шкаровского, которые охарактеризовали виды проституции, ее потребителей, механизмы контроля и борьбы, а так же ее эволюцию на протяжении века [6]. Широко представлена региональная историография проблемы в работах В.В. Тютюника [7], А.С. Петрова [8], А.И. Татарниковой [9], П.А. Сунгурова [10], Т.А. Кискидосовой [11], Н.А. Зоткиной [12], показаны разнообразные аспекты проституции.

В региональном контексте проблематикой проституции занимались И.Ю. Замула [13], Т.В. Паликова [14], А.С. Петров [15], Р.А. Евтехов [16], которые проанализировали состояние сферы предоставления сексуальных услуг в дореволюционный период. Однако региональная специфика существования проституции в 1920-1930-е гг. осталась за рамками исследовательского внимания.

Институт «продажной любви» существовал на всех этапах развития человеческого общества, принимая различные формы, начиная с так называемой храмовой проституции. На волне эмансипации во второй половине XIX в. она становится предметом особого внимания общества, государственной регламентации и научного изучения [14, с. 39]. К настоящему моменту существует множество правовых, социологических, исторических определений понятия проституции. Термин «проституция» происходит от латинского «prostatuere» (выставлять вперед, публично, на продажу; осквернение). Следовательно, обязательными признаками описываемого явления становятся включение личности в товарно-денежные отношения и выход данного типа межличностных отношений за морально-этические рамки, принятые обществом.

Проституция в Российской империи фактически была легализована с 1843 г., но ограничена жесткими нормативными рамками. Для продажи сексуальных услуг в городах империи были рас-

пространены несколько форм организации: дом терпимости (притон, бордель), оказание услуг на своей (съёмной) квартире, проституция при общественных и увеселительных заведениях (бильярдные, пивные, трактиры и т.д.). Первая форма организации, наиболее удобная для полицейского надзора, была достаточно регламентирована. Хозяйкой заведения могла быть только благонадежная женщина в зрелом возрасте, собравшая необходимый пакет документов. Содержательница ежедневно должна была осматривать своих подопечных на наличие проблем со здоровьем. Ей строго запрещалось прибегать к средствам прерывания беременности, а также лечить их простонародными средствами и пользоваться услугами знахарей.

Несмотря на то, что проституция явление, характерное в большей степени для городской среды, рынок сексуальных услуг в XIX вв. формировался и в менее урбанизированных регионах. Первые упоминания о «развратных женщинах» известны нам с 1866 г. [17, Л.17 об.]. Это были одиночные проститутки, занимавшиеся ремеслом на своих квартирах. Согласно официальным данным всероссийской переписи 1897 г., в городах изучаемого региона насчитывалось всего 22 проститутки. Эта цифра далека от реальной, так как еще в 1893 г. только в г. Троицкосавске, согласно сведениям полицейского управления, зарегистрировано 29 практикующих «жриц любви» [18, Л. 1 об.].

Город Верхнеудинск (совр. Улан-Удэ) отличался большей организованностью в деле предоставления «коммерческой любви». Так, в 1911 г. были работницами домов терпимости Евдокии Денисовой (9 проститутток), Ирины Ципкиной (6 проститутток), Малки Молдовар (19 проститутток), причем их численный состав был ниже, чем в 1907 г., когда насчитывалось 58 девиц в возрасте от 18 до 36 лет, из них 9 были японки. По сословному происхождению крестьянки превалировали над казачками и мещанками. Большая часть женщин были замужними, а только 17 женщин были незамужними. Подобная статистика, на наш взгляд, является не столько следствием неумения наладить семейную жизнь, хотя сбрасывать со счетов такое объяснение не следует, сколько ограниченностью рынка вакансий. В 1908 г. в четырех заведениях Верхнеудинска по разным данным числилось 46-52 проституттки, а в 1910 г.- уже 80 - 85 [13, с. 137].

Дома терпимости в городах фактически не существовали на постоянной основе, проработав в течение года-двух, бордели закрывались. Причина заключалась не в банкротстве, а в нарушении правил их содержания. Не все официальные содержательницы были хозяйками борделей. При обысках и допросах полиции, уличённые в подобных ма-

хинациях оправдывались своей «неопытностью и неграмотностью» [19, Л. 501-503 об.].

Апартаменты дома терпимости должны были состоять, по крайней мере, из трех помещений: комнат для девушек, хозяйки и приема клиентов. Вариативность набора помещений в домах терпимости зависела от разряда заведения, который, в свою очередь, определялся социальной группой, на которую оно ориентировалось. Некоторые бордели имели специально два зала, для среднего и бедного класса, наряду с ними существовали и специальные публичные дома только для небогатой публики [13, с. 138]. В особенно плохом состоянии были заведения для небогатой публики: сырость, грязь, мусор, пустые бутылки под кроватями, теснота и недостаток места, вследствие чего, девушки нередко спали по 2-3 человека на одной кровати. Сохранилось описание одного из самых скандальных заведений Верхнеудинска, дома Молдовара. Помещение разделялось на два зала: для «чистой» и «черной» публики. В каждом из них стояло пианино, в качестве антуража в «чистом» зале были развешаны бубны и различные костюмные аксессуары для развлечения публики.

Следовательно, формирование сферы продажи сексуальных услуг в регионе произошло во второй половине XIX в. и было связано с развитием урбанизационных процессов. Потребность в данной сфере услуг была продиктована, с одной, стороны гендерным неравенством, характерным для традиционного общества, с другой стороны, количественным преобладанием мужского населения над женским, что обусловлено присутствием большого числа военных в регионе.

Произошедшая в 1917 г. Российская революция ознаменовала собой перемены в отношении государственной власти как к женщине в целом, так и к институтам «продажной» любви в частности. Политика уравнивания правового, социального, экономического статуса мужчин и женщин, передача процедуры заключения брака в ведение органов государственной власти меняла традиционное представление о сущности гендерных отношений. Теория о естественности половых отношений и легкости смены партнеров, озвученная Александрой Коллонтай, подрывала сформированное тысячелетиями понимание «священности» интимных отношений, снимала почти сакральное представление о недопустимости измен в семейной жизни, в том числе женской неверности. Мировоззренческая основа политики первых лет советской власти в области сексуальных отношений заключалась в предоставлении максимальной свободы для обоих партнеров, что являлось идеологическим противовесом традиционного уклада частной жизни имперского периода.

Вместе с тем, в сфере «продажной» любви советская власть довольно четко обозначила противоположную позицию, взяв курс на борьбу с проституцией и проститутками. Данный тезис власти основывался на том, что торговля женским телом – это пережиток традиционного общества, в котором женщина не принадлежала сама себе. Большевики предполагали, что торговля сексуальными услугами исчезнет по мере перехода от капиталистических к социалистическим общественным отношениям. Однако приводимый аргумент не мешал власти активно преследовать проституток, поставив их на нелегальное положение.

Новая государственность определила новые подходы к интерпретации явления продажи сексуальных услуг. Так, В.М. Броннер и А.И. Елистратов считали, что проституция это «эксплуатация человеческой нужды», где женщины – это эксплуатируемые [20, с.88]. Эксплуататоры, клиенты и пособники проституции пользуются экономическим неравенством женщины, превращая ее тело в объект купли-продажи. Содержательно авторы усматривали причины проституции в капиталистическом экономическом укладе, а пути ее преодоления видели в исчезновении политико-экономического неравенства мужчин и женщин.

Очевидно, что торговля женщинами своим телом в молодом советском государстве не исчезла сама собой, а, затихнув в период военного коммунизма, активизировалась вновь с проведением новой экономической политики и возвращением товарно-денежных отношений. Проституция, явление крупных промышленных городов, имела место быть и на окраинных территориях, в том числе и в Бурятии 1920-х гг.

Борьба с явлением «продажной любви» продолжилась с образованием Республики Бурятия в 1923 г., формированием территориально обособленных органов по преодолению данного явления. 10 октября 1923 г. Прибайкальский Губернский Совет по борьбе с проституцией был реформирован в Совет Бурят-Монгольской Республики по борьбе с проституцией. Прибайкальский Губернский Совет по борьбе с проституцией, просуществовав около четырех месяцев, завершил свою работу в связи с отсутствием денежных средств на проведение мероприятий.

Одним из первых мероприятий Совета стало открытие в городе Верхнеудинске школы «кройки и шитья для бедных девушек и женщин - одиночек» [21, с. 315]. В различных источниках называется разное количество планируемых к обучению женщин с начала открытия школы от 20 до 30 человек. Ключевой задачей организуемой школы кройки и шитья является попытка предотвращения «женщин от необходимости выйти на улицу»,

для чего школа брала на себя обязательство обеспечить полностью своих учениц.

Кроме того, одной из функций школы стала борьба с женской безработицей и ее социальными последствиями. Руководство Совета справедливо полагало, что феномен проституции является прямым следствием безработицы среди женщин. В этой связи республиканский Совет по борьбе с проституцией «в начале своей деятельности обратился ко всем Советским учреждениям с письмом с указанием относиться осторожно ко всем увольнениям женщин и девушек, особенно экономически неустойчивых» [21, с. 315]. К сожалению, предложенная инициатива осталась не реализованной из-за недостаточности финансирования, а также «весьма низкой квалификации обычно обращающихся за помощью» [21, с. 315].

Фундаментальной для открытой школы стала идея коммунистического перевоспитания как женщин, ведущих «неправильный» образ жизни, а также женщин, находящихся в крайне тяжелом материальном положении, а также безработных. Для поддержания идеологической основы исправления женщин в школу от Горкома ВЛКСМ в 1926 г. был направлен представитель республиканского комсомола «для ведения работы воспитательной внутри самой школы и для изучения быта школы» [22, Л. 3].

Основным источником дохода школы являлась продажа готовых изделий частным клиентам, среди которых были в основном дамы. Но Совет по борьбе с проституцией регулярно финансировал деятельность школы. Так в апреле 1924 г. Совет выделил 9.50 руб., а в марте 1925 г. Советом было выделено 15 р. на содержание школы [23, Л.9]. Кроме того, Совет ассигновал 42.15 р. на жалование заведующей школой Подынкиной, зарплата которой в 1925 г. составила 57. 60 [24, Л. 3]. Заработная плата служащих и стипендия учениц школы составляла от 2 до 15 руб. [25, Л. 6]. Выплата жалования приходившим в школу ученицам стала одной из мер по борьбе с женской безработицей и альтернативными способами заработать на жизнь.

В 1929 г. школа кройки и шитья была реорганизована в общетехническую школу «ввиду отсутствия значения школы в плоскости обучения молодняка и свертывания всей воспитательной работы» [26, Л. 21]. Анализ комплекса документов школы, общественных и государственных структур, направивших учениц в данную школу, дает основание утверждать, что основным контингентом школы «жрицы любви» не были.

Во второй половине 1920-х гг. основные функции по предупреждению проституции были сосредоточены в так называемой Комиссии по улучшению труда и быта женщин Востока, в

структуре которой было три секции: по охране материнства и детства, по борьбе с безработицей и проституцией, по защите прав женщин [27, с. 45]. В 1926 г. в докладной записке на имя председателя СНК БМАССР М.Н. Ербанова председателем Комиссии было озвучено пожелание сделать совет по борьбе с проституцией секцией при Комиссии, «дабы иметь возможность сверяться с их работой и руководить ими» [28, Л. 46]. Легко предположить, что данное пожелание руководства Комиссии было удовлетворено и совет по борьбе с проституцией вскоре исчезает из массива исторических источников.

О наличии и масштабах сферы торговли женским телом свидетельствует тот факт, что раздел о борьбе с проституцией был включен в принятый в 1924 г. Административный Кодекс Бурят-Монгольской АССР. Седьмая глава этого Кодекса была полностью посвящена мероприятиям по преодолению явления «продажной любви». Согласно первому параграфу Кодекса, надзор за данной сферой услуг был возложен на органы милиции, в обязанности которой входило наблюдением за всеми местами, где происходило вовлечение населения в проституцию, а именно: «за ресторанами, столовыми, чайными, гостиницами, постоялыми дворами...» [26, с. 16].

Однако большая часть мер носила запретительный характер и касалась системы организации публичных заведений, являющихся потенциальными притонами. Содержателям этих заведений воспрещалось «устраивать в этих заведениях отдельные кабинеты с запирающимися дверями». Запрещалось также «обслуживание отдельных кабинетов женской прислужкой в вечернее время, начиная с 18 часов». Последняя мера была призвана препятствовать появлению «стихийной» проституции, торговлей услугами, оказываемых девушками в частном порядке. Кроме того, Административный Кодекс запрещал содержателям гостиниц, меблированных номеров для приезжающих «сдачу номеров местным жителям по часам», а также «вход и пребывание женщинам, не проживающим в них, после 20 часов» [29, с. 16-17].

Точного количества представительниц древнейшей профессии в Бурятии в 1920-е гг. не дает не один источник, как и нет точных сведений о функционировании публичных домов или отдельных номеров при питейных заведениях. Масштабы распространения данного явления можно косвенно отследить по состоянию сети лечебных заведений, где лечили венерические заболевания, а также размаху пропаганды их преодоления. Так во всех организациях города велась санитарная просветительская работа среди профсоюзных масс, воинских частей, среди делегатов женотделов. Совместно с Советом по борьбе с

проституцией в первой половине 1920-х гг. были поставлены санитарные суды: «Суд над проституткой» «Суд над гонорреиком», «Суд над сифилитиком». Подобные методы профилактики венерических заболеваний, с одной стороны, признавали наличие данного явления, с другой, придавали ему негативный морально-этический оттенок.

Окончание первого послереволюционного десятилетия ознаменовалось принятием в 1929 г. постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах борьбы с проституцией», согласно которого занятие проституцией женщинам грозил реальный срок в исправительно-трудовых учреждениях. Открытое преследование проституток положило начало отрицанию данного явления государством, которое стремилось преодолеть все виды социальных девиаций.

Заключение

Исследование регионального сегмента сферы предоставления сексуальных услуг позволяет сделать вывод о его значительной трансформации на протяжении первой трети XX в. В начале рассматриваемого периода проституция существовала практически легально, а сами проститутки не

подвергались преследованиям со стороны властей. Рынок «продажной любви» развивался как в крупных промышленных центрах, так и на окраинах империи.

Установившаяся советская власть, внедрявшая новые морально-этические и идеологические нормы, изменила коренным образом ситуацию в сфере предоставления сексуальных услуг. Региональная власть, считая проституцию безусловным социальным злом, боролась с ним с помощью запретительных законодательных мер, касающихся инфраструктуры сферы развлечений, создания альтернативных рабочих мест, в том числе и принудительных для «жриц любви», а также создания публично-негативного образа женщин, занимавшихся проституцией.

Статья подготовлена в рамках гранта Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова «Общественная повседневность национальной республики в 1920-1930-е гг. (на примере Бурят-Монгольской АССР)» № 19-06-0502

Литература

1. Шашкова С.С. Исторические судьбы женщины, девиантность и проституция. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография Ф.С. Суздальского, 1872. 590 с.
2. Кузнецов М.Г. Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1871. 177 с.
3. Приклонский И.И. Проституция и ее организация : ист. очерк. М.: изд. А.А. Карцев, 1903. 108 с.
4. Канкарович И.И. Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1907. 199 с.
5. Проституция и борьба с ней. (Тезисы Губженотдела). Астрахань; Агит-проп. отд. Астраханского Губкома РКП (б), 1922. 8 с.
6. Жижиленко А.А. Половые преступления. Ленинград: «Рабочий суд», 1927. 112 с.
7. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX - 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. 219 с.
8. Тютюник В.В. Врачебно-полицейский надзор за проституцией на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2005. № 1. С. 91-100.
9. Петров А.С. Законодательство Рос. Империи в сфере проституции и регламентационные правила этой деятельности в Чите в период 1907-1917 гг. // Вестник ЗабГУ. 2012. № 10 (89). С. 3-11.
10. Татарникова А.И. «Продажная любовь» как явление повседневной жизни городов западной Сибири во второй половине XIX - начале XX в. // Манускрипт. 2016. № 11. С. 158-162.
11. Сунгуров П.А. Проституция в сибирских губерниях (конец XIX начало XX вв.) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 6. С. 110-111.
12. Кискидосова Т.А. «Жрицы любви» в городах Енисейской губернии в конце XIX - начале XX в. // Вестник НГУ. История. 2013. Т. 12. Вып. 8. С. 99-106.
13. Зоткина Н.А. Феномен девиантного поведения в повседневной жизни Рос. общества на рубеже XIX-XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002. 374 с.
14. Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875-февраль 1917 гг.): моногр. Иркутск: Облмашинформ, 2001. 207 с.
15. Паликова Т.В. «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестн. РУДН. История России. 2009. № 2. С. 38-52.
16. Паликова Т.В., Евтехов Р.А. Полицейский надзор за организованной проституцией в забайкальских городах в конце XIX - начале XX вв. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVIII-XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. (28-29 нояб. 2016 г.). Новосибирск: Параллель, 2017. С. 291-297.
17. Петров А.С. Законодательство Рос. Империи в сфере проституции и регламентационные правила этой деятельности в Чите в период 1907-1917 гг. // Вестн. ЗабГУ. 2012. № 10 (89). С. 3-11.
18. Евтехов Р.А. Верхнеудинская городская полиция в системе административно-управленческого аппарата Забайкалья: становление и развитие в XVIII - начале XX в. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2019. 211 с.
19. Дело о публичных домах // Гос. архив Республики Бурятия. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2011. Л. 17 (об.).

20. Сведения о распространении проституции в Забайкальской обл. за 1894 г. // Гос. архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 2 вр. Д. 182. Л. 1 (об.).
21. Протоколы дознания Верхнеудинского уездного полицейского управления по жалобе содержащихся в доме терпимости... // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5051. Л. 501-503 (об).
22. Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России до 1917 г. Борьба с проституцией в Р.С.Ф.С.Р. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. 88 с.
23. Социалистическое строительство Бурят-Монгольской АССР за 10-лет. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1933. С. 315.
24. Протоколы заседаний КУТБЖ (Комиссии по улучшению труда и быта женщин), докладные записки секретаря о деятельности Комиссии // ГАРБ. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.
25. Кассовая школы кройки и шитья по борьбе с проституцией при НКЗ за 1925 г. // ГАРБ. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 (об.).
26. Кассовая школы кройки и шитья по борьбе с проституцией при НКЗ за 1925 г. // ГАРБ. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 5. Л. 9.
27. Кассовая школы кройки и шитья по борьбе с проституцией при НКЗ за 1925 г. // ГАРБ. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
28. Кассовая школы кройки и шитья по борьбе с проституцией при НКЗ за 1925 г. // ГАРБ. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
29. Протоколы заседаний КУТБЖ, акты ревизии школы кройки и шитья // ГАРБ. Ф. Р-251. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.
30. Бадмацыренова Е.Л. Государственная политика по вовлечению женщин Бурятии в общественно-политическую деятельность (1923-1991 гг.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2012. 45 с.
31. Протоколы заседаний КУТБЖ, докладные записки секретаря о деятельности Комиссии // ГАРБ. Ф. Р-252. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.
32. Бюллетень ЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1925. С. 16.